

A man wearing a plaid jacket and dark pants stands in a misty, green landscape. He is looking down and holding a book or folder. The background is a soft, hazy green, suggesting a field or a path in a forest. The overall mood is contemplative and serene.

александр петрушкин

лазарет

стихотворения замкнутого пространства

александр петрушкин
лазарет
стихотворения замкнутого пространства

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Александр Петрушкин. Лазарет: стихотворения замкнутого пространства - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 56 с.

ГОСУДАРЬ

Пишу, пишу депеши государю
в ладонях у размолотой воды
где – словом лёгким намертво придавлен –
как Лазарь собираю в смерть дары,

и – не дойдя в свету до половины
своей вины – смотрю на письма,
которые мне почтальон доставил
на псах своих, чья буква видна

на теменной у паровых сугробов,
у шашек дымных птиц или потом –
предождая встречу, как обломок
его империи, что плещется за тьмой.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-31

© Александр Петрушкин, стихотворения, 2016

* * *

Сиротствует ли тело
иль смерть удалена,
изъята из предела,
побуквенно сдана

в багаж, в пейзаж, в природу,
в трамваи, что на бок
её слетались, плача,
в грачах миную срок,

воронку покидая
в их малых небесах,
где ожиданье рая
длинней, чем полый страх,

где ангел твой закручен
в июля механизм,
как эллипс в голый воздух
из взгляда и ресниц,

и где жужжит в притоках,
бессмертная душа
и трогает уroda,
которым хороша.

* * *

Елене Зейферт

Где древа дирижабль преодолеет смерть
и почву, как прилог, и белое молчанье,
чи соты и поклёп перегибают сеть
воды, из рыжих ос ворующей дыханье,

у дерева внутри, там, где зиянье птиц
спиральный лабиринт распустил в листопада
ракушку, что бежит в глаголице корней,
как побережье и/или причина сада.

Неосторожный сад в её волне растёт
и омуты, как нить, в свои вдевает жабры,
где кровь, как сом, в сетчатке у ангела плывёт
и ищет, словно звука, обёрнутой им жажды.

* * *

Даниле Давыдову

В ледяной и восковой Москве,
чьих мозаик срублен виноград,
каждый выбирает по себе –
потому что в чём-то виноват.

Лётчик проплывает словно жнец
над снопами ватными твоих
станций, подземелий и т.д.
вырывая медный твой язык

Покраснеет воздух золотой –
сладкой стружкой синиц немых, горя
жирной и промасленной лозой
горя, счастья, стрекозы труда,

чей рубанок ходит взад-вперёд.
Самолёт мерцает словно вход
в твой прекрасный жестяной Аид,
чижигом – под штопором – свистит,

где по пеплу каменный пилот,
приоткрыв несоразмерный рот,
словно гость, проходит сквозь твоих –
свет сосущих - мертвецов живых.

* * *

О, ветки тяжёлые птицы,
полётов парные стволы,
апреля и сумрака спицы,
в которых блуждают волны,

двойные тоски разжимая
полёта своей часовой
почти невозможности рая
и речи почти не больной,

не больной, когда – расцарапав
лицо белых тощих ветвей –
стволов распускается пряжа,
взлетая из клетки корней!

Как эта пархатая стража
несётся по нити тугой –
без времени больше и страха –
себя вынимая дугой!

ВОДА

Зверь идёт по следу, ты
слышишь, как лишаясь кожи,
вырезан из пустоты [словно дверь]
он. И не может

эта ночь себя пройти,
кутаясь в свою изнанку,
в скрип цикад, где мы легки
и напоминаем ранку,

где омыта смерть, как зверь,
и умыта, словно ночью
дождь здесь бегал от детей
в хрусте воздуха непрочно.

* * *

Человек [цепь и пёс вещества,
воздух смёрзшейся смерти] едва
распечатал в дыхание плоть,
как пейзаж обращается в лёд.

В призме – полой, голодной – его –
человека подземный глоток –
развернёт рыжий свёрток зрачка
и слетают, как плод с дурачка

эта шкура, железо и смерть,
и куда теперь ехать – наверх? –
если выдох пейзажи скоблит –
и чего ещё нам говорить [?]

в слепоте, на свету, на свету –
через свет – тот, что камень во рту,
тот, что бабочки взорванный грот
разгибает, как скрепку, в полёт.

ЗЕРНО

В силке тёмном птицы
зверушки детей

блуждают средь пауз
прозрачных смертей,

в коробках трофейных,
как жизнь, заводных,

со свистом стрекозым
к ней свет приводнив.

И плачет причал в ней,
и люлька скрипит,

как ключик от леса,
чьё тело гудит,

как ларчик стрекозий
в прозрачной воде,

чей август плывёт
в световой западне.

* * *

Как Данте облако заглянет в человека
колодец и такую тишину,
которая продлится дольше века –
пока оно всё смотрит в глубину.

Пытается достичь, но не постигнет
укрытые тележку в нём и дом,
и ножик, что он утром тёмным вынет,
чтобы порезы света есть вдвоём –

покуда облако в него всё смотрит-смотрит,
плетёт ему порезы и черты,
его колодец, воды и тележку,
которая синицей в нём скрипит.

И красные, как голуби, пророки
ложатся в облако и видят в часовых
кругах бревна ещё не весь колодец, но эхо
и окружность тишины.

* * *

Сбор майский нарциссов, трамваев и птиц –
стрекоз [деревянных, как утро]
солдаты, идущие в небе, без лиц,
в дожде, что вокруг парашютом
ложится и ест ледяных червяков,
чьи тени прозрачнее яблонь,
стоящих в окружности, без берегов,
похожих на темень и якорь,
похожих на этот протянутый стол,
в котором, как дым, оживает
разбухший от влаги, как смерть, мотылёк
и – словно паром – догорает.

* * *

Весло на пряжу распуская
ненапряжённо и светло
метёлкою вода взлетает,
высчитывая дна число,

и, выдохнув наружу берег,
как заговор для жабр своих,
внутри её вдвоём смеются
несотворённые мальки.

Плывёт, пузырясь в отраженье
повязок кровяных, душа,
царапая под горлом жженье,
прочтённой галькою шурша –

и, на иные встав просторы,
сужаясь в щепоть облаков,
метла лакает новый воздух,
свернувший времени кулёк.

* * *

Животное из Рождества выходит неживотным:
несёт в себе свои крыла, как берег, осторожно,

несёт в себе своё лицо, дыхание парное –
с ним в паре тайный мир идёт, поскольку всё иное

оставлено за рождеством там за зеркальным снегом
в чьём круге всадники сидят – теперь уже без дела

в чьём круге вепрь воды косит, как жажда, мёртвым глазом
или холодные косцы повторены три раза.

Как голодает небо здесь и светится всё дольше,
как свиток развернув январь, где не умру я больше,

где я, окно в себе разбив, не буду вновь осужден
и неживотное глядит в меня из тонкой лужи.

* * *

За воздухом стеклянным лошадь спит
кузнечиком, прижав к себе звезду,
которая в руках её звенит,
напоминая воды и дуду,

которые вдохнут её сюда
вдоль диафрагмы и лучей округлых,
ладонью слюдяной разжав углы
кузнечика, похожего на губы

и море в этой лошади ревёт,
и небо обрывает лепестками,
похожими на шкуру от неё,
чей лабиринт расходится, как камень.

* * *

Человек, в луне качаясь,
сквозь китайский смотрит свет –
три портянки с ним осталось
из прозрачных снегирей,
и клюют до рёбер женщин
неопознанных его –

он идёт по переулку,
где кроваво и светло
ясени вырастают в марты
и катают шар ночной,
и играют шумно в нарды
под единственной ногой.

Голова луны, катаясь
в павшей птице, на ходу
отрывается от пашни
карусели белой страшной
человека, вслед за клювом
светом впаянным в слюду.

* * *

Шипение земли в узлах июля,
свисток бессмертный, ангельская пропись,

жилище света, пляшущего в угле,
как времени мерцающая полость –

твой кукушонок, Господи лежащий
вокруг воды и сущей, и дрожащей,

летит и погружает в тьмы приметы
кузнечиков, как рождество горячих.

* * *

Вороны голограмма смотрит вниз,
где собирается мозаика из лиц
её одноголосых и двухтактных
среди сухой и лиственной реки,
в которой дудки или дураки
утоплены и, словно смыслы, шатки.

воронья голограмма за спиной
неаккуратной чувствует китайский
мой лепет, что под нею полосой
ложится бессловесной, то есть сжатой
в молчанье речью – паузой скользит
и падает слезой меж нас стоящей...

о, голограмма белого моста,
где гол и я, и свет, и нитка между нами,
и эта скрепка ворона, свистка
из дудки горла, из своей программы
выходишь ты и – видишь, как течёт
река сухая в нас наперечёт.

* * *

Скрученную ласточкою стужи
[пожалеть бы, зрячего, меня!]
рядом с теплотрассой проезжают
три похожих на стекло коня,

ямы двухсторонние обходят
и, пугаясь цыканья копыт,
ломким льдом сшивают обе доли,
как французы лёгкими иприт.

Постепенный шум, в них начинаясь,
срежет речь их, деревянный мост,
как весло из вида упуская
в ласточке восшедшей на мороз.

* * *

Не знак, не Бог и не причина –
вставал с утра и видел: камень
был вплавлен в небо белой призмой,
плывут в спасение кругами

деревья, впадшие в окружность,
как в ересь, в юность или в брёвна –
и Плотник их берёт снаружи
и тын выстраивает ровный,

где снег бредёт, так будто время
расставленное между нами,
как будто сбрасываешь бремя
проросшее сквозь смерть словами,

проросшее и страх, и храмы,
и клубни ангелов на пашне,
где облака велосипедов
сверкают водяной поклажей,

где в свиток развернулся камень,
как знак и Бог или причина,
вставая утром слишком ранним,
пролившись улием пчелиным.

* * *

Дождь, шуршащий в птице, как Китай
то чихнёт, то спрячется в сарай –

смотрит в тонкое окошко старика,
чья немеет левая рука.

Свет переплывает его плоть
и в ладонь прозрачную берёт,

перепробывая его твердь
сумрачную, как билет.

Растворив калитку, место, склон
он стоит теперь со всех сторон –

дождь кипит, смыкается в лицо,
занимая место не своё.

И собака бога своего
ловит в луже, скрученной в щелков.

Вот их развернулся полый жгут
в место, возвращённое, как путь.

* * *

Где мнимый соловей летел,
как дымный мим среди петель
дверных и точных мертвецов,
всходящих из его вдовцов,

на ловчий и прибрежный свет,
что в зренье муравья продет
и вписан в божий этот март
в собранье тёмное петард,

что разгибают кислород
на дерево и рыбу, мёд
замедленный внутри у них
ключами медными бренчит

и выпускает птицу вверх
из соловьиных дыр, прорех
глазных, и плачет на весу
в силках, похожих на росу.

* * *

Руслану Комадею

У каждого – свой ангел, а чужой
неузнаваем и стоит в разломе
меж воздухом с его пустой рукой
и матроснёй, прикинувшейся роем,

зверинцем или веткой, что сейчас
располосуют скинутые тени
их ножниц, обернувшихся в часы
из воробьёв растянутых по звеньям.

О, как звенят мой ангел и чужой,
как ноги их длинны, что тополями стали,
и пух лежит у каждого внутри
в футлярах нашего и их неузнаванья,

как плотен ряд их, полон и жесток
настолько что и нежности есть место
для лодки что качнётся на восток
Ахиллом, набирающим нам сердце.

* * *

Округлый голос голубей
как парус катится сквозь мячик
январский, никому-ничей,
свои края сказав иначе,

чем я его произнесу
холодной мельницей из пота,
в которой птахи на лету
звенят сквозь дерево потопа,

где отражается десант
из веток нищих и прозрачных,
что плавают в узлах воды,
как бубенцы её двузначны.

* * *

Наощупь тьмы лицо распознавая –
я говорил: вот вереск, вот камыш,

вот эти пальцы длинные трамвая,
вот то, что вероятно ты смолчишь,

а здесь орда галдит легко и сухо,
утраивая душам переход,

вот голос тот, который только сука
дворовая по свету разнесёт –

и слепота её, как палестина
для светляков, которые летят,

латая холм и облако, и длинно
лакают зреньем византийский ряд.

* * *

Как проявление дождя
на кадре времени легко
нас поменяет, не любя,
на поражение своё

сменивши угол и угли,
пернатый камень и круги,
которые по кадру вниз
лежат в обличии тоски

про это небо, где лежат,
о звуке, что сквозь них проник –
где камыши сквозь них шуршат,
как человеческий язык,

про эту память, что они
теряют с кадрами дождя
взлетая с голубем в огни
и тёрны, как вода дрожа.

* * *

Воздух сгущается в птицы воронку,
где, покидая смерть и сады,
многоугольный губастый свет вяжет
тощей зимы разрывные снопы

в белые пятна, всплывая отцами
что оплатили слепой листопад,
режущий смерть их надвое серпами.
Милуя малых, щенков и котят –

воздух свергается в пристань и лодки
в плод из слюды бормотания в них
полых стрижей в досоветской пилотке,
в плот, прорастающий бабочки чих,

что в тростнике – от мороза нечётком –
незавершённый даггеротип,
словно душа, покидает иголку,
водоворот двухсторонний разбив.

* * *

Победа в немощи моей,
в воде, что отшлифует зёрна

другой воды, иной страны –
и выймет веточкой из дёрна

меня ещё, но не меня
нести она по свету будет,

как лодочку и рощу, там
где на холмах рыбак нас удит.

СТЕКЛОТАРА

Сергею Ивкину

Густы бутылки нашего дыханья,
которые – средь осени звеня –
теряют все права на поражение –
в её плавильне точного вина

«Вина их высока – и это право
хранить они устали» – говоря
так – дворники и грузчики устало
садятся справа, плакая в меня.

Я не горжусь своим прекрасным правом
взять на себя за речь свою вину
прямую, как портвейн и – грузчик Ваня
меня глотнёт и в тьму, и в глубину.

С густой бутылки станет он прозрачным
и полетит, как шарик надувной,
туда где вся вина меня лишь значит
и ничего не значит предо мной.

А на причале вглядываясь в наши,
холодные, как кашель, голоса
сгущаются улыбки или чаши,
в левиафана животах галдя.

* * *

Когда трава здесь выпрямляет свет
и йод внутри его поёт – в ответ
бесстыдный ангел, приоткрыв глаза
растёт, как виноградная лоза.

что скажешь, приходящий за виной?
какою оловянною виной
ты был рождён а испрямился в свет? –
и йод поёт, и ты ему в ответ

* * *

Мы продолжаемся в тенях,
где циркулируем, как кровь
в прожилках света на камнях,
положенных в земли улов.

И хлорофилл, что спит в сетях
соцветий и других причин,
скрипит в потемок животах
опознавая птиц и клин,

что в трещины домов, как пульс
не торопясь, сквозь нас течёт
и слышишь – перья их шуршат
и размыкают тела плод.

* * *

То мерзлая земля в ответ,
то Бог, который дробный свет,

летят меня наискосок
на тела призрачный манок.

Не удержу я скоро их
и – поделённый на двоих –

войду в обратный снегопад,
где ждут меня или простят.

* * *

В мороза колокол ударив,
из всех особенных примет
языка дерево стоит
и щурится на хладный свет.

Свет щурится, вглядевшись ниже,
чем дерево его звучит,
и пёс кору из света лижет
чтоб свет собою напоить.

Вода резная, как наличник,
стоит вдоль пёсьего окна –
то вздрогнет сквозняком, то вынет
свой лай из птичьего огня,

из винтового, как порезы
на мгле из наших голосов,
которых в вязанках немного,
что светом прибраны в улов,

чьё дерево растёт и множит
колокола воды, чей звук
несёт упругий, невесомый –
как мячик – ангел или стук

умножен ксероксом мороза,
что в свет вторгается с ольхи,
подростком встав на перекрёсток,
где псы и люди высоки.

* * *

Закончилась эра портвейна и спирта
и весело спят в сокрушённом аду
два голубя, в света одетые свитер,
в немислимом этом, но зримом саду –

в них зреющий свет, как найдёныш, разомкнут
и голос, как шум, обретает черты
то веток, то листьев, как воздух раздутых,
то мельниц, густых как июль, мошкары

и там, где созвездье оставит зиянье,
в наложенных швах только бабочки свист,
пустоты словес и кликух называнье –
почти вещество чёрно-белых больниц...

...закончатся эры, эпохи, дыханье
нас здесь совершит безымянных уже,
и хлопнет калитка, как адово зданье,
шутиха у воздуха в голой руке.

* * *

[цитата луга] бабочка летит,
петли воздушной роет лабиринт,
которым так природа хороша,
что дышит, как повозка, не спеша.
Мы возле этой бабочки стоим,
что в бронзе света чашею летит:
вот разобьётся в стебли или дождь –
и мокрый сад уже не соберёшь.

* * *

Плетёный из воды и света,
и запаха глухонемых –
он ослеплён, как будто слева
неповторимый Бог стоит,

и там поёт щеглом – и этим
он комментирует себя:
чуть отшатнётся и прольётся,
на нас похожая, вода.

Он погрузится в её выдох,
где лошадь наводняет тьмы,
и грузом, как прореха, тонет,
оставив скважины изгиб

в плетённом из воды и света –
под веткой – собранный им – текст
переменяет полый воздух
в округлый, словно небо, крест.

СКВОЗНЯК

Внизу поток бежит, а наверху
его сухая тень сопровождает
беспамятства стрекоз и стрекозу
ещё одну, что темноту сужает
своей слюной в осоку и камыш,
в сквозняк, что между ними исчезает.

Я вышел из потока, а другой
остался там – под толщей водяною
он обернулся и забыл, что мною
был заперт в слова мокрый лазарет,
и продолжает плыть за стрекозою
и ищет призму за которой свет.

* * *

Бессмертник – ксерокопий наблюдатель,
отцвёл и ты, как конская коса
воды, что спит внутри у готовален,
когда внутри её течёт оса,

и чертит волдыри и полукруги
в немыслимом, как смерть, поводыре,
и лошади похожие на дуги
кусают отражения в дыре

твоей, бессмертник, но скорее данник
последних отражений – слепота
бумагу обнимает и светает,
как циркуль неба изнутри ведра.

АНЕСТЕЗИЯ

Забудем предсказательниц своих,
чьи коготки, как снег анестезии,
царапают то шею, то лицо
и, как под линзою – то кажутся большими,
то выгнутыми, словно длинный звук
из-под земли вытягивая слух,
на всех своих окраинах фальшивит.

Ты помнишь [но не помнишь всё равно],
как посох, опиравшийся на тени,
двоился и – с тобой попарно шёл,
сквозь пар крошась на чёрно-белый иней,
в деревни вырастая за тобой,
в которые растаяли деревья
и костровой мгновенный мотылёк,
извлекший из ландшафта только зренье,

где эпилептик птичий приподняв
округу, воздух, камни, руки, лица,
поток из их движенья извлекал
и запятыми начинал искриться
в отсутствующем выдохе забыт,
как устрица большая и больница

и запах, запах цвёл нашатыря –
похожие мы в тёмный свет входили
царапая то шеи, то себя –
как двери в дом, где мы себя забыли.

СМОТРИТЕЛЬ

В начале оленя, как омут, стоит
смотритель путей и горит изнутри –

как ящерка в камне, как осень в шмеле,
как волчий язык и ожог в Шамиле.

В начале у ямы – терновник и хруст,
и шарик воздушный хлопком своим густ,

и тычется в тело воды густера,
и ива стучится [пора – не пора?],

и хнычет в ней детка, как омут, олень –
и лопасти мрака сияют сквозь тлен,

колени тоннелей подводных его
и лопасти света, который светло,

как ноги оленя, что ямой дрожит
в спиралях воды – сквозь раздвоенный шрифт.

ПОДКИДЫШ

Ты дом покинешь – развернётся он
на стаи и сады, где из ворон
был выбран или собран, как пятно
цветное и, где в скудное зерно
постукивает свет и, близоруко
ощупывая сердца погремуху,
горит, на нефть похожий, чернозём,
где речь моя глухонема, слепа
и только ночь моргает, как звезда,
и источается до линии – предела,
где лай лягушек вырастает в белый,
развёрнутый, как майский свёрток, мёд.

* * *

Превращение музыки в шар,
ленты в ласточку, чья темнота
вдруг свободу в дождинке нашла
и теперь уже вовсе не та

в ней свистит леденящая дробь
на манер воскового кино,
где складируют нас в круг вещей
а затем закрывают окно.

Называют не те имена
именуют на чуждый манер
наши души и наши тела,
что торчат, как бессмертье в окне,

что торчат на знакомый мотив,
как сверчки, и галдят на луну
и отрыв своё небо спешат
снова спрятать его в глубину.

Вот и стой, и смотри из окна,
как тебя пьёт изогнутый шар,
называет число аутист –
а потом лишь музыка слышна.

* * *

Снится водомерке: сосны
из воды вокруг торчат –

вероятно, это осень,
а возможно Петроград,

а возможно это вышел
Гумилевский черный дух –

разливает водку с Богом
и лепечет свет. На двух

пахнет хвойной и морозной
подсоленную водой –

никого не будет дома,
под ракушкой смоляной

снится водомерке это,
и архангел входит в дом –

удлиняет брюшко света,
обмороком и узлом.

* * *

Нет, не смотри, но умирай со мной,
всю тьму собрав из синих рёбер леса,
где стрекоза развёрнута спиной
в его слюну, поддетую на лесу.

Как шевелит она своей губой,
взойдя на тьму и хвою торопливой,
своей красивой каменной тоской,
чтобы скатиться в свет наполовину!

И сколько смерть её не посети –
всегда останется в ней стыд её бессмертья –
нет, не смотри, но умирай (прочти: лети
за края рай, за смыслов своих ветви).

ОСТРОВ

Андрею Таврову

Обмелели холмы или мельницы их
свет занёс по окружность зрачков лошадиных –
и лежит в земном мясе, один на троих
холм врастающий в небо на пчёлах недлинных,
и свободно вращаются в нём жернова,
холм крошится в муку, что поднимется к верху
и мерцает, как речи живой голова,
и кроится тоской лошадиной по бегу,

он плывёт, как плоды в животах у реки,
что откроются медленней женщин, не сразу,
потому что глубины его высоки,
да и он уподоблен туннелю и лазу
в этих водах, чьи слайды ложатся к земле
и снимают, как Бога, свои опечатки
что оставлены ими на всяком угле
заштрихованным светом – человеческим и шатким.

Вот и трое растут плоскодонкой-звездой,
именуя своё за трещоткою птичьей,
что уносит не холм коготками в гнездо –
только лошадь и звук от неё неотличный,
а звезда в тёплой птице механизмом шуршит –
то клокочет, то квохчет, то камнем бежит,
кровь тачает, лежит, выцветая
в молоке, что вершится, как амен.

Холм скворчит на ложбине случайной её –
и целует её жеребёнка, как Бог
в лоб и в темень, в прозрачные лица,
что текут изо лба кобылицы.

* * *

Пчёл перемалывая в свет их –
тиха в произнесённом ночь –
укус на кожу свою ставит
там народившаяся дочь.

Вспугнуть её уже не может
ни мать, ни бульк сквозной воды,
ни тот, который нас здесь крошит,
как эти галочки следы.

И стекленеет в каждом жесте
своём река, не исказив
черты блаженства или вести
что мы отсюда ей видны,

что пчёлы падая оттуда
приносят полые слова,
что умиранье наше – чудный
улов в ладонях рыбака.

* * *

Опередит окрестности зрачок,
размоченный свой ветер через порох
февральский вынося туда, где враг
взрывается, как ворон-дурачок.

По глине виноградари идут –
молчат они, стучат медуз подковы,
глазея в високосной мглы редут,
в который вбиты – хоть и не готовы.

Насмешливый снегирь определит –
в нас выдохнув – окрестности, означив
порезы снега, что внутри летит
своих потёмок, где хлопущки плачут.

* * *

Кто поёт настолько тихо?
Сверишь правды и – пройдёшь,
эхо нежно (в смысле: длинно),
как гирлянду потрясёшь.

Понимаешь? Белы пятна.
Прилетевший идиот-
ангел тянет нас обратно,
за повозкой света, от.

* * *

Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт,
сметая свет шмелиных лиц в слепой полёт,

края свои или углы внутри неся,
в огнях тройных ломая то, чего нельзя

произнести и пронести, в скорлупке свой
звучит - как будто из полен сложен – прибор

и в окнах тех, где агнец помнит о тебе
среди колец от наших лиц, шмелям теплей,

когда летит вокруг церквами снегопад
и разоряет, как голубка, ничейный ад.

ПТАШКА

И радость ласточки, и рукава садов,
и слово, что уловлено в садок,
и жоженья пятнышко на языке чернильном,
в котором жизнь покажется недлинной,
но спутанной, где нас воды глоток
предождает, ко всему готов,
среди предметов, что поют из линий,

где каменеет бледный Господин
от нас содеянных из радости и льдин,
и сброшенных, как мясо, сожалений –
всё это атом, что обнимет нас,
и понесёт в полёте, через мрак
в каком-нибудь созревшем мандарине,

с женой моей, прозрачными детьми,
которым мы всё зренье возвратим
жестокое, двойное, кем поднимем
свинцовых ласточек мы в разрывной полёт,
где птаха с неба отрывает ход –
срываясь в воздух, что собою пилит,

где в кольцевых, как выдохи, стволах
произнести не успевает «ах»,
но падает почти что без усилий,
кем радостно падение садов –
когда дыханье наше нас не ждёт,
в своём мерцая атоме мгновенном.

* * *

Здесь свет всё заслоняет – даже свет,
который я вписал неосторожно
в круг снега, в стыд свой, в то, чего здесь нет
а если есть – наверняка подложно.

Наверняка причины нет такой,
чтоб длить моё ему принадлежанье
и потому я в нём стою босой,
наколотый на иглы из молчанья.

Из треска додревесного его
я, вынутый рукою деревянной,
теперь лишь света стою одного
и свету заслонённому неравен.

* * *

В уловке соляной из нашего остатка,
где пустота горит просвечивать звезду –
мы ощутим: не смерть рождается – отвага
идти на темноту,

что уточкой поёт, сужается до звука,
где ночь ещё скворчит, как Волга или март,
или сирень растёт, одолевая мрака
воронку, слово, фарт.

Что скажешь ты прорабу, входя в его чертоги,
сочась внутри у света разорванной водой,
которая свершает и сносит соли пропись
усохшею рукой?

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРЬ /3/	Победа в немощи моей /28/
Сиротствует ли тело /4/	СТЕКЛОТАРА /29/
Где древа дирижабль преодолеет смерть /5/	Когда трава здесь выпрямляет свет /30/
В ледяной и восковой Москве /6/	Мы продолжаемся в тених /31/
О, ветки тяжёлые птицы /7/	То мерзлая земля в ответ /32/
ВОДА /8/	В мороза колокол ударив /33/
Человек [цепь и пёс вещества] /9/	Закончилась эра портвейна и спирта /34/
ЗЕРНО /10/	[цитата луга] бабочка летит /35/
Как Данте облако заглянет в человека /11/	Плетёный из воды и света /36/
Сбор майский нарциссов, трамваев и птиц /12/	СКВОЗНЯК /37/
Весло на пряжу распуская /13/	Бессмертник – ксерокопий наблюдатель /38/
Животное из Рождества выходит неживотным /14/	АНЕСТЕЗИЯ /39/
За воздухом стеклянным лошадь спит /15/	СМОТРИТЕЛЬ /40/
Человек, в луне качаясь /16/	ПОДКИДЫШ /41/
Шипение земли в узлах июля /17/	Превращение музыки в шар /42/
Вороны голограмма смотрит вниз /18/	Снится водомерке: сосны /43/
Скрученную ласточкою стужи /19/	Нет, не смотри, но умирай со мной /44/
Не знак, не Бог и не причина /20/	ОСТРОВ /45/
Дождь, шуршащий в птице, как Китай /21/	Пчёл перемалывая в свет их /47/
Где мнимый соловей летел /22/	Опередит окрестности зрачок /48/
У каждого – свой ангел, а чужой /23/	Кто поёт настолько тихо? /49/
Округлый голос голубей /24/	Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт /50/
Наощупь тьмы лицо распознавая /25/	ПТАШКА /51/
Как проявление дождя /26/	Здесь свет всё заслоняет – даже свет /52/
Воздух сгущается в птицы воронку /27/	В уловке соляной из нашего остатка /53/

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Александр Петрушкин
ЛАЗАРЕТ
стихотворения замкнутого пространства

www.promegalit.ru

Подписано в печать 20.08.2016 г.
Формат: 148x200 1/16
Тираж: 300 экз.